

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Отдела русского фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЕСНЕ О РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЕ 1788–1790 ГОДОВ

Аннотация. Рассматривается историческая песня «Шведский король требует возвращения городов», посвященная Русско-шведской войне 1788–1790 годов. Это произведение никогда не было в центре внимания фольклористов. Предметом анализа является пространство, отраженное в песне. Исследуются топосы «требования городов со стороны шведского короля», «угрозы противника захватить Петербург и Москву» и «“пирогов” (боеприпасов), приготовленных русскими для врага», построенные на топонимах. Устанавливаются два вектора использования топонимов в песенном тексте: 1) отражение географической реальности и реализация функции превращения «чужого» пространства в «свое»; 2) построение фольклорных метафор.

Ключевые слова: Русско-шведская война 1788–1790 годов, русские исторические песни, пространство, топонимы

Для цитирования: Иванова Т. Г. Историческое пространство в песне о Русско-шведской войне 1788–1790 годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.651

ВВЕДЕНИЕ

21 июня 1788 года, при Екатерине II, шведская армия во главе с королем Густавом III вторглась в Россию. Это была третья русско-шведская война, развернувшаяся в XVIII веке (первая – Северная война (1700–1721), вторая – война в 1741–1743 годах). Шведы претендовали на возвращение территорий, которые отошли России по итогам Северной войны. Противник начал бомбардировку крепости Нейшлот (восточная Финляндия; русский гарнизон в 230 человек), но взять ее не смог и вынужден был уйти. На сущее (в Финляндии) русская армия, не готовая к войне, потерпела поражения при Керникоски, Пардакоски, Валкиала. Командовали русскими войсками О. А. Игельстрём и принц Ангальт-Бернбургский, который в ходе войны скончался от ран.

Война 1788–1790 годов разворачивалась в основном на море. Командующим флотом вначале был адмирал Самуил Карлович Грейг (1735–1788), шотландец на русской службе с 1764 года, отличившийся в морской атаке на Чесменскую крепость в Русско-турецкой войне (1772), начальник Кронштадтского порта (1775). Под его командованием русский флот одержал победу у острова Гогланд (6 июля 1788 года). Однако

заразившийся брюшным тифом адмирал скончался 15 октября 1788 года в Ревеле. После смерти С. К. Грейга командующим Балтийским флотом был назначен адмирал Василий Яковлевич Чичагов (1726–1809), при котором были одержаны победы в ряде других сражений: у Красной Горки (23–24 мая 1790 года), под Выборгом (22 июня 1790 года), при Роченсальме (28 июня 1790 года). Война для России оказалась победной. Верельский мирный договор (г. Верель, ныне Финляндия) 3 августа 1790 года аннулировал все территориальные претензии Швеции.

***

Войне 1788–1790 года посвящен единственный песенный сюжет – «Шведский король требует возвращения городов» (№ 410–436)¹. Это произведение никогда не было в центре внимания фольклористов. Исторический комментарий к нему в монографии «Русские исторические песни XVI–XVIII вв.» дает В. К. Соколова [2]. Упоминается песня и в статье А. И. Кузьмина [1: 19].

Подчеркнем, что ни одно из сражений этой войны и ни одно из названных имен военачальников в песне не отразились. Указанные победные битвы, генералы и адмиралы фольклорную традицию, как это ни странно, не за-

интересовали. Пространство же, нашедшее отражение в песне (еще раз заметим – единственном сюжете), оказалось, напротив, весьма выразительным.

Песня демонстрирует удивительно точное понимание солдатами, создателями песен, причин войны. Начальные строки произведения формулируют цели шведов – «Отдай судержавны города»:

Пишет, пишет король шведский
Государыне в Москву:
«Милосердна государыня,
Замиреньца прошу!
Замиреньца пожалуй,
Отдай судержавны города...»
(№ 412, ст. 1–6; см. также № 410, ст. 1–5; № 411, ст. 1–4 и др.).

Песня свидетельствует, что русские солдаты прекрасно осознавали, что Швеция требует возвращения городов, которые некогда ей принадлежали:

«отдай мои города» (№ 414, ст. 2); «отдай шведски города» (№ 415, ст. 3); «отдай прежни города» (№ 416); «стары шведски города» (№ 417, ст. 9); «мои славны города» (№ 431, ст. 13) и др.

Стержнем песни, как мы уже сказали, является военное противостояние двух держав, что на глубинном мифологическом и фольклорном уровнях выражается в категориях «свой» / «чужой»: «чужой» шведский король угрожает «своей» милосердной государыне. Эта тема заложена в первых строках почти всех вариантов песни. На уровне топонимов эта оппозиция отражена в одном из вариантов, где противопоставляются *Стокгольм* (Стекольный) и *Москва*:

Из-под славного было города из-под Стекольного,
Еще пишет король шведский к государыне в Москву
(№ 428, ст. 1–2).

Обратим внимание, что песня конца XVIII века сердцем России, в которой уже почти столетие столицей был Санкт-Петербург, считает Москву. Фольклорное сознание (начиная с XVI века Москва в песнях мыслится центром государства) довлеет над историческими реалиями.

Интересную картину дает персонажное поле, запечатленное в сюжете. Имя шведского короля (Густава III) в песне отсутствует. Этот песенный герой именуется просто «король шведский». Русская императрица (Екатерина II) называется «государыней», «милосердной государыней», «матушкой царицей», «российской государыней», «всероссийской государыней». Лишь в двух текстах Екатерина II названа по имени: Катерина (№ 412, ст. 25), Катерина Алексеевна (№ 436,

ст. 2). Имена правителей, возглавлявших противоборствующие государства, таким образом, для песни оказываются безразличными.

Сюжет «Шведский король требует возвращения городов» упоминает целый ряд русских военачальников, однако все они – подчеркнем, абсолютно все – в действительности не были причастны к событиям Русско-шведской войны 1788–1790 годов. Так, в варианте № 410 появляются П. А. Румянцев и Г. А. Потемкин, которые, согласно сюжету, успокаивают встревоженную шведскими требованиями государыню:

Ой да как по правую царскую рученку
Стоит Румянцев-от енерал,
Ой да как по левую царскую рученку
Стоит Потемкин-от енерал (№ 410, ст. 24–27).

См. также упоминание Румянцева – № 412, ст. 33; № 413, ст. 29, 32; № 414, ст. 11; № 420, ст. 9; упоминание Потемкина – № 415, ст. 12; № 416, ст. 7.

Песня в данном случае называет имена самых знаменитых государственных деятелей и военачальников царствования Екатерины II. Петр Александрович Румянцев (1725–1796), в молодости участник Русско-шведской войны 1741–1743 годов, проявивший себя в Семилетней войне, во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов стал главнокомандующим армией. При нем в 1770 году были выиграны сражения при Ларге и Кагуле. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира по указу Екатерины II он стал именоваться Румянцевым-Задунайским. В новой Русско-турецкой войне, начавшейся в 1787 году, П. А. Румянцев-Задунайский был назначен командующим 2-й армией при Потемкине-главнокомандующем, что его оскорбило. Фактически в этой войне П. А. Румянцев участия не принимал. К Русско-шведской войне 1788–1790 годов он, повторим, никакого отношения не имел. Григорий Александрович Потемкин (1739–1791) – яркий государственный деятель, тайный морганатический супруг Екатерины II (1774), участник Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, показавший себя под Хотином, при Ларге и Кагуле, генерал-губернатор Новороссийского края, строитель Тавриды, создатель Черноморского флота. В событиях Русско-шведской войны он также участия не принимал.

В варианте № 411 роль военачальника, успокаивающего государыню, выполняет Суворов (ст. 17–18), то есть Александр Васильевич Суворов (1730–1800), полководец, участвовавший в Русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 годов (победы при Кинбурне, Рымнике, взятие Измаила). В Русско-шведской

войне 1778–1790 годов Суворов не участвовал, но в 1791 году он был назначен командующим войсками в Финляндии, где строил укрепления на границе со Швецией.

Помимо имен реальных военачальников времен Екатерины II сюжет «Шведский король требует возвращения городов» включает в себя фигуры, с очевидностью почерпнутые из историко-песенного фольклора предшествующей эпохи. Так, в некоторых вариантах называется Шереметев:

«...сенаторушка / Да Сереметьёв сударь граф» (№ 417, ст. 29–30); «Енерал Шелеметьев ёй (государыне. – Т. И.) на думу приходил» (№ 418, ст. 17); «Шеремечьев восподин» (№ 419, ст. 22).

В варианте № 423 имя Шереметева появляется в топосе «угрозы»: шведский король грозится в Москве стоять во дворце Шереметева: «А я у Бориса стоять у Петровича а я Шелементьева во дворци» (№ 423, ст. 7; ср. № 414, ст. 6; № 428, ст. 19). Борис Петрович Шереметев (1652–1719) – из боярской семьи, воевода, участник первого Азовского похода (1695), военачальник времен Северной войны, испытавший разгром русской армии под Нарвой в 1700 году, через два года возглавивший удачную осаду крепости Нотебург (1702), взявший приневскую крепость Ниеншанц (1703), номинально (при Петре I) возглавлявший русскую армию в битве при Полтаве (1709), захвативший Ригу (1710). Шереметев стал героям ряда песен, посвященных Северной войне: «Шереметьев в соборе» (№ 63–64)², «Войска Шереметьева разбивают шведские полки» (№ 68–69), «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора» (№ 70–80). Упоминается он и в других сюжетах цикла о Северной войне. Включение имени Шереметева в сюжет «Шведский король требует возвращения городов», без сомнения, обусловлено не исторической действительностью, а законами фольклорной традиции, где важной составляющей является преемственность.

Равным образом в рассматриваемый сюжет попадает и имя Краснощекова: «Перед ней (государыней. – Т. И.) стоял сам Румянцев и Краснощеков-генерал» (№ 420, ст. 9); «Генералушка большой, Краснощеков-господин» (№ 433, ст. 20; см. также № 434, ст. 21–22). Прототипом песенного Краснощекова, которому посвящены песни времен Семилетней войны «Казаки Краснощекова снимают прусские караулы» (№ 395), «Краснощеков в гостях у прусского короля» (№ 396–402), «Краснощеков ранен» (№ 403–405), как известно, стал Федор Иванович Краснощеков (1710–1764) – участник Русско-турецкой войны

1735–1739 годов, осады Азова, походный казачий атаман времен Семилетней войны. В 1763 году он, первый из донских казаков, получил чин генерал-майора. Как и в случае с Шереметевым, Краснощеков-персонаж в сюжет «Шведский король требует возвращения городов» попадает из предшествующей фольклорной традиции.

Наконец, последнее имя, включенное в рассматриваемый сюжет в результате тех же фольклорных законов, – это З. Г. Чернышев: «Приходил же к ней (государыне. – Т. И.) граф Захар Чернышев Григорьевич» (№ 421, ст. 15, 19, 25, 36). Это еще один герой из песен о Семилетней войне («Чернышев в плену» – № 325–368). Захар Григорьевич Чернышев (1722–1784), состоя во времена императрицы Елизаветы Петровны при «молодом» дворе (то есть при дворе великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны), обратил на себя внимание будущей Екатерины II, что заставило царицу отправить его в 1749 году в армию. З. Г. Чернышев отличился в Семилетней войне. В битве при Цорндорфе (1758) он попал в плен, что отразила популярная песня «Чернышев в плену». После размена пленными З. Г. Чернышев возглавлял войска, один из корпусов которых взял Берлин. По окончании Семилетней войны он занимал пост президента Военной коллегии (1763–1774); после первого раздела Речи Посполитой возглавил Белорусское генерал-губернаторство; в 1782 году стал первым губернатором Москвы.

Таким образом, система персонажей, представленная в сюжете «Шведский король требует возвращения городов», не отражает исторические реалии времен войны 1788–1790 годов.

Как мы уже показали на примере персонажного поля, песня «Шведский король требует возвращения городов» вступает в диффузию с песнями предшествующей традиции, а именно с фольклором времен Семилетней войны (1756–1763), центральным произведением которого является песня об осаде прусской крепости Кюстрин (№ 287–295). Так, русские военачальники в ответ на угрозы шведов отвечают: «А мы с первого зараду весь Кыстрым-город зажжем, / А с другого мы зараду своей армию побьем» (№ 414, ст. 14–15). В отдельных вариантах в песне «Шведский король требует возвращения городов» противником России оказывается прусский король: «Пишет, пишет король прусский государыне самой» (№ 433, ст. 1; см. также № 434, ст. 1; № 435, ст. 1). Смешение этнонимов (прусский / шведский) и топонимов (Кюстрин в песне шведской тематики) – это обычное, хотя и не регулярное, явление в историко-песенном фольклоре.

Тем не менее мы можем выдвинуть тезис о прочности исторической памяти в рассматриваемом сюжете. В отличие от исторических персонажей песня весьма твердо помнит географические названия, но не локусов, где происходили сражения (все битвы этой войны остались за рамками фольклорной традиции), а городов и крепостей, которые до недавнего времени были шведскими и которые вошли в состав Российской империи благодаря действиям Петра I. Фольклорная традиция, таким образом, взяла на себя функцию ментального освоения пространства, закрепления за определенным пространственным сегментом статуса «своего».

В песне имеется три топоса, строящихся на топонимах: 1) топос требования городов со стороны шведского короля; 2) топос угрозы противника захватить Петербург и Москву; 3) топос «пирогов» (боеприпасов), приготовленных русскими для врага.

Топос требования городов со стороны шведского короля

Перечень городов, которые намеревается возвратить шведский король, весьма выразителен. Это, действительно, города, принадлежавшие в XVI – начале XVIII века Швеции:

Ой отдай *Rigu-ty*, Ригу отдай, отдай *Ревель*,
Отдай *Нарву-то* крепкий городок (№ 410, ст. 7–8).

Riga как христианский и торговый центр Ливонии начала развиваться с 1201 года, когда на Западной Двине (Даугаве) немецкими рыцарями-крестоносцами была поставлена крепость. Тевтонский (немецкий), а затем Ливонский орден здесь были хозяевами на протяжении нескольких веков. Когда Орден ослабел, в ходе Ливонской войны с Московским государством Ивана Грозного, в 1581 году Рига присягнула Речи Посполитой. В 1622 году город был захвачен шведским королем Густавом II Адольфом и стал вторым по значимости в Шведском королевстве. После Полтавской победы (1709) Петр I приказал Б. П. Шереметеву развернуть боевые действия в Прибалтике. В ноябре 1709 года в тяжелейших условиях зимы русские войска начали осаду Риги, которая в то время была одной из мощнейших крепостей в Европе. Чтобы не допустить помочь шведским войскам с моря, А. Д. Меншиков построил укрепления со стороны Балтики. Осада продолжалась до конца июня 1710 года; 4 июля шведы капитулировали. Рига по итогам Ништадтского мирного договора (1721) вошла в Россию.

Ревель впервые упомянут в документах в 1154 году. В русских летописях на протяже-

нии XII–XVI веков город назывался Колыванью; этот же топоним употреблял и Петр I. До XIII века эти чудские (по терминологии летописей) территории находились в сфере влияния Древней Руси. В 1219 году Колывань была захвачена Данией, и город получил новое имя – Ревель. Активно развивался как торговый порт. В 1285 году вошел в Ганзейский союз. В 1346 году Дания продала Ревель Тевтонскому ордену, закрепившемуся в Прибалтике, а тот передал его Ливонскому ордену. В 1561 году при распаде Ливонского ордена стал владением Швеции. Как и Рига, Ревель был взят русскими войсками в 1710 году, причем осажденный город, в котором вспыхнула эпидемия чумы, сдался без боя 29 сентября. Город находился в составе Российской империи до 1918 года, когда была образована самостоятельная Эстонская Республика. Тогда город был переименован в Таллин.

Третий город, названный в приведенном песенном отрывке, – **Нарва** (левый берег р. Нарвы, в 12 км от ее устья). Селение *Narvia* по письменным источникам известно с 1240 года. В 1223–1346 годах это земли Дании, в 1346–1558 годах – Ливонского ордена. 11 мая 1558 года войска Ивана Грозного взяли Нарву, которая на 23 года стала русской. Однако в 1581 году Нарву захватили шведы, и по Тявзинскому миру Русское государство отказалось от притязаний на этот город (как и на Ревель). При Петре I в начале Северной войны 19 ноября 1700 года русская армия под Нарвой потерпела сокрушительное поражение от шведов. Однако 9 августа 1704 года Нарва была взята и по Ништадтскому миру осталась за Россией.

В топосе «требования городов» может возникать крепость **Кронштадт**, расположенная на землях, которые шведы тоже долгое время считали своими:

«Отдай *Rigu*, отдай *Ревель*, отдай славный город *Кронштадт*» (№ 411, ст. 5); «Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славный город *Кронштадт*» (№ 414, ст. 3); «Отдай *Rigu*, отдай *Ревель*, отдай славный мой *Кронштадт!*» (№ 416, ст. 4); «Отдай *Rigu*, отдай *Ревель*, / Отдай славный город *Кронштадт!*» (№ 427, ст. 7–8); «Первый *Rigu*, второй *Ревель*, третий *Кронштадт!*» (№ 430, ст. 7).

Кронштадт стоит на острове Котлин, который по Ореховскому мирному договору 1323 года между Новгородской феодальной республикой и Швецией служил границей между этими государственными образованиями (а затем – между Русским государством и Швецией). После Смутного времени по Столбовскому договору (1617) остров отошел Швеции. Корабли

Швеции, стоявшие у Котлина, в конце навигации уходили в свои гавани. В 1703 году, воспользовавшись отсутствием шведского флота, Петр I за зиму построил ряд фортов, которые закрыли проход в Невскую губу, что весной неприятно удивило пришедших к Котлину шведов. Впоследствии здесь выросла русская крепость Кроншлот (голланд. ‘коронный замок’), при перестройке получившая название Кронштадт (‘коронный город’). С 1720-х годов Кронштадт – военно-морская база Балтийского флота.

В одном из вариантов песни в топосе «требования городов» находим *Шлиссельбург*:

Отдай *Питер*, отдай *Ригу*,
Отдай *Ревель*, отдай *Шлюшин*,
Отдай *Нарву* и *Кронштадт* (№ 436, ст. 3–5).

Крепость располагается на острове Ореховый у истока Невы из Ладожского озера. В 1323 году новгородцы поставили на острове сначала деревянные укрепления, а через тридцать лет, в 1353 году, заложили каменные стены и башни. Шведы неоднократно подступали к крепости, называемой Орешек, которая переходила из рук в руки. В 1613 году Швеция захватила Орешек и переименовала ее в Нотебург (nöt – ‘орех’). Во времена царя Алексея Михайловича Россия сделала попытку вернуть крепость, но осада закончилась неудачей. Наконец, осенью 1702 года из Олонецкого края по знаменитой Осударевской дороге русские войска были скрытно переброшены на Ладогу. Крепость была осаждена в сентябре, и 11 октября в результате решительного штурма Нотебург пал. Петр I переименовал его в Шлиссельбург (‘ключ-город’). Географическое название *Шлиссельбург*, непривычное солдатскому уху, в песнях нередко получает просторечную форму *Шлюшин*.

Топос «требования городов» знает и еще одну крепость, завоеванную во времена Петра I, – *Выборг*:

Отдай *Ригу*, отдай *Ревель*,
Отдай рукодель мою;
Еще отдай *Кужляй*, *Вихляй*
Со *Выборгом* назад! (№ 412, ст. 7–10).

Первую попытку взять Выборг (северное побережье Финского залива) – шведскую крепость, к которой неоднократно подступали и дружины Новгородской феодальной республики, и войска московского царя в XVI веке, – Петр I предпринял в 1706 году. Однако тогда Выборг взять не удалось. В марте 1710 года генерал Ф. М. Апраксин осадил город, и 13 июня в присутствии Петра I Выборг капитулировал.

По Ништадтскому миру город остался за Россией.

Таким образом, притязания Швеции на прибалтийские города имели прочные исторические основания. Подчеркнем, что все локусы (кроме Выборга), названные в топосе «требования городов», были уже освоены историко-песенным фольклором в цикле песен о Северной войне.

Интересны варианты формулы «требования городов», где упоминается *Петербург*, расположенный также на бывших шведских землях. Шведы, объявляя войну в 1788 году, действительно выдвигали притязания на новую столицу Российской империи. Таким образом, следующая версия топоса полностью отвечает исторической действительности:

Отдай город, отдай *Ригу*,
Отдай славный *Петянбурх* (№ 417, ст. 10–11).
Отдай *Ревель*, отдай *Ригу*,
Отдай славный Петербург (№ 421, ст. 4–5).

Название города может быть представлено в форме *Питер*:

«Отдай *Питер*, отдай *Ригу*, отдай славный *Коронштат*» (№ 424, ст. 5); «Отдай *Питер*, отдай *Ригу*, отдай славен город *Корноштад*» (№ 418, ст. 4; см. также пример с Шлиссельбургом / Шлюшиным).

Топонимы, что вполне ожидаемо, в историко-песенном фольклоре могут представлять в искаженной форме. И Ревель, и Кронштадт получают в песнях причудливый фонетический вид:

«Первый *Левер*, другой *Легар*, третий славный *Коронштат*» (№ 428, ст. 6); «Отдай *Гивер*, отдай *Ливер*, / Отдай славный мой *Кронштадт*» (№ 435, ст. 7–8); «Отдай *Ригу*, отдай *Ливер*, / Отдай славный *Кранштан!*» (№ 429, ст. 7–8).

В топосе «требования городов» называются топонимы, которые пока не поддаются толкованию. В приведенном выше фрагменте из текста № 412 это *Кужляй* и *Вихляй*. В следующем варианте – Грэждань: «Отдай *Рыгу*, отдай *Ревень*, / Славный город мой Грэждань» (№ 419, ст. 5–6). Скорее всего, эти топонимы – результат причудливых искажений каких-то реальных географических названий, отражающих пространство Прибалтики.

Как бы то ни было, все приведенные варианты топоса «требования городов» корреспондируют с реальностью XVIII века – исторической и географической. Однако это не единственный вектор, определяющий построение рассматриваемого топоса. Любопытны единичные варианты, в которых прочитывается историческая память русского народа. В ряде текстов помимо городов, актуальных для ситуации 1788–

1790 годов, представлены топонимы, которые некогда, очень давно, укоренились в русском фольклоре. В формулу «требования городов» они попадают не из исторической действительности конца XVIII века, а из фольклорной традиции – устно-поэтической памяти. Так, в одном из вариантов появляется *Киев*, стоящий у истоков русской государственности. Соответственно шведский король требует

Один *Киевский*, другой *Керинской*,
Третий славный город *Петербург* (№ 431, ст. 14–15).

На киевское время указывает и гидроним *Непра* (Днепр): «Первый *Нега*, второй *Непра*, третий – каменна *Москва*» (№ 432, ст. 5).

Керинский город, упомянутый в приведенном варианте, трудно поддается комментированию. Возможно, это неудачный для данного топоса отголосок топонима Керенск – города, возникшего в 1639 году как Керенская засечная крепость (позднее – Пензенская губерния), хотя такое предположение нам кажется натянутым.

Топос угрозы противника захватить Петербург и Москву

Топос «требования городов» в песне находит развитие в другом топосе – «угрозы шведов захватить Петербург и Москву», в случае если требуемые города не будут возвращены Швеции. По многим вариантам шведский король угрожает всей России:

«Всю *Россиюшку* пройду, / Во *Москву-город* войду» (№ 412, ст. 16–17); «Да я всю твою *Россиюшку*, / Я в полон ее возьму» (№ 417, ст. 16–17); «Всю *Руссиюшку* пройду, в *каменную Москву* зайду» (№ 418, ст. 7); «Уж я силушкой скоплюсь, всю *Россиюшку* пройду» (№ 428, ст. 10)³.

Топос «угрозы Петербургу и Москве» во всех его версиях строится на метафорике. Одной из метафор является тема «дневки» и «ночевки» в новой и старой русских столицах:

Батальицу сочиню, *Петербург с Москвой* возьму,
Я в *Питере* переднюю, в *Москве* приду ночевать.
Распиши-ко ты мне квартерушки по всей *каменной Москве* (№ 411, ст. 8–10).

В твою землю взойду, из конца в конец пройду.
Я в *Питере* ночую, ночевать в *Москву* приду,
Ночевать в *Москву* приду, все фатеры распишу (№ 415, ст. 5–7).

Я в *Москве* переночую,
В *Петербург* дневать пойду (№ 435, ст. 11–12).

Пространство Москвы в некоторых вариантах топоса «угрозы Петербургу и Москве» конкретизируется за счет внутримосковских локусов:

Уж я в *Питере* переднюю,
Ночевать в *Москву* приду.
Моей коннице, пехоте
В Кремле-городе стоять,
Генералам-офицерам –
По купеческим домам,
Рядовым моим солдатушкам –
По всей *каменной Москве*;
Я же встану, король шведский,
Во *Алфертовом дворце* (№ 427, ст. 11–20).

Кремль еще с XVI века вошел в художественное пространство исторических песен; Алфертов дворец – возможно, Лефортов дворец, то есть дворец, принадлежавший одному из сподвижников молодого Петра I. Ср. в другом тексте:

Я в *Питере* переднюю, в *Москву* ночевать вступлю,
В *Москву* ночевать вступлю, фатерушки распишу
<...>

А я сам стану, король шведский, середь *каменной Москвы*,
Середь *каменной Москвы*, в *Кремле-городу*,
В *Кремле-городу*, в государевом дворце (№ 428, ст. 11–18).

В одном из вариантов, конкретизируя московское пространство, песня упоминает московскую *Ямскую улицу* (№ 423, ст. 5).

Любопытно, что конкретизация пространства в топосе «угрозы» касается только Москвы; из пространства Петербурга песня не называет ни одного локуса. По всей вероятности, здесь также сказывается память фольклорной традиции, которая, напомним, еще в песнях XVI века начала художественное освоение московского пространства.

Наряду с метафорой «ночевки» / «дневки» в завоеванном городе в топосе «угрозы» может возникать и метафора «обеда», «ужина» и «завтрака»:

В *Петербург* город приду,
Во *Питере-то* пообедаю,
Ночевать в *Москву* пойду,
Под *Москвой* переночую (№ 431, ст. 18–21).

Ср.:
Во *Питере* пообедаю, в *Москву* ужинать прийду,
Под *Москвой-то* я ночую, поутру рано в нее вступлю (№ 433, ст. 6–7).

Метафора «обеда» может быть представлена автономно – без метафоры «ночевки»:

Ай да я в *Питере* пообедаю, в *Москву* ужинать приду (№ 426, ст. 4).

Как я в *Питере* пообедаю,
В *Москву* ужинать приду (№ 430, ст. 10–11).

Единично в топосе «угрозы» с метафорой «обеда» рядом с Петербургом и Москвой

появляются другие топонимы. Опять-таки вне логики исторической действительности 1788–1790 годов в одном из вариантов возникает **Астрахань**:

Всю Русеюшку пройду, в каменную Москву зайду,
Вот я в Астрахань взойду позавтракать, а в Москву –
пообедать,

В Москву – пообедать, в Питенбурхе буду ночевать
(№ 418, ст. 7–9).

Топос «пирогов» (боеприпасов), приготовленных русскими для врага

Топос «пирогов» – это тоже метафорический топос: о боеприпасах, которыми русские солдаты собираются встретить врага, в песне говорится в кулинарных образах. В одном из вариантов читаем:

У нас есть чем принять, есть чем потчевать его:
У нас есть ли пироги, они в Туле печены,
Они в Туле печены, в Москве маком чинены;
У нас есть ли сухари, они в Туле крошены,
Они в Туле крошены, в Москве высушенны;
Еще есть ли у нас похлебочка – у солдата на бедре,
У солдата на бедре, да что на левой стороне! (№ 411,
ст. 20–26).

См. другие варианты топоса:

«Испечены пироги, черным маком чинены, /
Они в Туле крошены, в Москве высушенны» (№ 418,
ст. 20–21); «Есть у нас сухари – они в Туле крошены, /
Они в Туле крошены, в Москве высушенны» (№ 424,
ст. 16–17); «Ай да и есть у мене сухари, только в Туле
печены» (№ 426, ст. 11). См. также: № 434, ст. 35–36.

Тула в построении этой метафоры возникает, естественно, неслучайно. В городе, расположенным на реке Упа, впервые упомянутом в 1146 году, в 1514–1521 годах получившем каменную крепость, в XVII веке началось активное развитие кузнечного ремесла. В конце этого столетия именно здесь развернул свою деятельность предпримчивый кузнец Никита Демидов. В 1712 году в Туле был основан первый государственный оружейный завод, и с этого времени город стал центром производства оружия в России.

Метафора может расширяться и за счет других топонимов, например **Ярославля**:

Уж вам евти сухари у нас были
В Туле крошены,
В Ярославле сушены,
К Москве вывезены! (№ 422, ст. 38–41).

В одном из вариантов, где шведский король заменен «королем пруским» (явный отголосок песенного цикла о Семилетней войне), появляется **Париж**, что вызвано, вероятно, влиянием поздних песен, посвященных войне 1812 года:

Для тебя ли, король пруский, я гостинцев припасу,
сухарей насышу,
Они в Туле были сушены, а за Парижем вчера разданы (№ 432, ст. 6–7).

Полагаем, что топос-метафора «пирогов» является поздней версией знаменитой древней метафоры «битва как пир», запечатленной еще в «Слове о полку Игореве». Топос «пирогов», заметим, повлиял на один из вариантов топоса «требование городов», в который вне исторической логики проник топоним Тула: «Отдай Тулу, отдан Левер, отдан славной Короштан» (№ 425, ст. 6).

Топос «пирогов» с топонимом Тула сложился, вероятно, еще во времена Северной войны, во всяком случае он встретился несколько раз в песнях этого времени. В сюжете «Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля» солдаты на вопрос царя, чем они будут потчевать шведов, отвечают:

У нас, батюшка православный царь, все готово, все
приготовлено,
Как у нас, братцы-ребятушки, в Москве пироги пе-
чены,

В Москве пироги печены, в сухари они крошены,
В сухари они крошены, в Туле сушены,
В Туле сушены, по солдатам разданы (№ 58, ст. 28–
32; см. также № 61, ст. 25–26; № 62, ст. 15–17).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сюжет «Шведский король требует возвращения городов» является разные векторы использования топонимов в песенном тексте. С одной стороны, многие варианты полностью соответствуют исторической действительности 1788–1790 годов: солдаты, в среде которых родилась песня, демонстрируют не только очень прочные знания о территориях, вошедших в состав России во времена Петра I, но и знание о причинах русско-шведской войны и притязаниях Швеции на земли, которые к концу XVIII века уже несколько десятилетий принадлежали России. Называя прибалтийские топонимы, песня реализует одну из функций топонимов в историко-песенном фольклоре – освоение пространства, превращение его из «чужого» в «свое». В то же время, как мы показали, песня ярко демонстрирует возможности топонимов в построении фольклорных метафор (метафора «дневки» / «ночевки»; «завтрака» / «обеда» / «ужина»). Песня является пример преемственности метафоры, построенной на топониме, предшествующей традиции (топос «пирогов»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. 356 с. В тексте цитируется в круглых скобках.
- ² В названиях песен мы оставляем написание фамилии Шереметьев, как это принято в издании «Исторические песни XVIII века».
- ³ Укажем также, что в одном из текстов Россия встречается в формуле, явно наследуемой от былины «Илья Муромец и Калин-царь»: бегущий из страны противник зарекается бывать в России: «Я не буду, я не стану на Россю приходить, / И свейскую я армию не стану приводить» (№ 414, ст. 19–20).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмин А. И. Военная тема в народных песнях XVIII века // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1968. Т. 27. С. 18–26.
2. Соколова В. К. Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 329 с. (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР; Т. 61).

Поступила в редакцию 21.12.2020; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Tatyana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Principle Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
(St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

HISTORICAL SPACE IN THE SONG ABOUT THE RUSSO-SWEDISH WAR OF 1788–1790

A b s t r a c t. The article addresses the poorly studied historical song “The Swedish King Demands the Return of the Cities” dedicated to the Russo-Swedish War of 1788–1790. The subject of analysis is the space reflected in the song. The author studies the toposes “the demands of the cities on the part of the Swedish King”, “the enemy’s threats to seize St. Petersburg and Moscow”, and “pies (ammunition or weapons) prepared by the Russians for the enemy” based on toponyms. Two vectors of the use of toponyms in the song text are established: 1) reflection of geographical reality and implementation of the function of transforming the “alien” space into the “our” one; 2) construction of folklore metaphors.

Key words: Russo-Swedish War of 1788–1790, Russian historical songs, space, toponyms

For citation: Ivanova, T. G. Historical space in the song about the Russo-Swedish War of 1788–1790. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.651

REFERENCES

1. Кузмин, А. И. Military theme in folk songs of the XVIII century. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language*. Moscow, 1968. Vol. XXVII. P. 18–26. (In Russ.)
2. Соколова, В. К. Russian historical songs of the XVI–XVIII centuries. *Proceedings of the N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography*. Moscow, 1960. 329 p. (New series / the USSR Academy of Sciences, Vol. 61). (In Russ.)

Received: 21 December, 2020; accepted: 28 June, 2021